

КЛИФФОРД
САЙМАК

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
ЗОЛОТАЯ КОЛ
ФАНТАСТ
ЗОЛОТАЯ
ФАНТ
ЗОЛО
ФА
ЗО
Ф
З
С

CLIFFORD D.
SIMAK

CITY

STRANGERS IN THE UNIVERSE

THE WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

THE BEST OF CLIFFORD D. SIMAK

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я
!

КЛИФФОРД САЙМАК

ГОРОД

СБОРНИК

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С14

Clifford D. Simak

CITY © 1952 by Clifford D. Simak
STRANGERS IN THE UNIVERSE © 1956 by Clifford D. Simak
THE WORLDS OF CLIFFORD SIMAK © 1960 by Clifford D. Simak
THE BEST OF CLIFFORD D. SIMAK © 1975 by Clifford D. Simak

Разработка серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Анатолия Дубовика*

Школа перевода
В. Баканова

Саймак, Клиффорд.

С14 Город : сборник рассказов и повестей : [перевод с английско-го]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 896 с.

ISBN 978-5-699-98974-4

В данном томе собраны лучшие произведения Клиффорда Саймака.

Куда приведет человека развитие цивилизации и безумная жажда власти над природой и себе подобными? Какими будут последствия применения новейших технологий и создания все более разрушительных видов оружия? А что, если когда-либо в будущем обитателям Земли придется все начинать заново? Кто будет в ответе за судьбы мира? Этими вопросами задаются герои рассказов и романа «Город» — люди, роботы и разумные псы.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Н. Караев, вступительная статья, 2018
© Л. Жданов, Е. Алексеева, К. Королёв,
В. Баканов, Е. Корягина, М. Молчанов,
Н. Казанцева, О. Битов, В. Лопатка,
В. Гольдич, И. Оганесова, М. Клеветенко,
Г. Бабурова, А. Филонов, И. Почталин,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-699-98974-4

Клиффорд Саймак: портрет фантаста в молодости

1

«**Б**ыло время, когда Саймак был любимым автором всех и каждого, — писал фантаст и историк фантастики Брайан Олдисс. — Его рассказы невозможно было спутать с чьими-то еще. Пока все остальные описывали больших крутых героев, показывавших инопланетянам, где раки зимуют, он рассказывал о маленьком старом землянине, который сидел на веранде и строгал палку, когда появился зеленый человечек, тот, который спустился с небес на большой смешной машине. И эти двое отлично поговорили...»

Феномен Клиффорда Саймака — один из самых интересных в фантастике. В том числе потому, что феномена словно и нет: Саймак практически забыт, он будто не подходит XXI веку. Парадокс в том, что XXI век, быть может, нуждается в Саймаке и его книгах куда больше, чем кажется, просто мы этого (пока?) не поняли. От фантаста принято отмахиваться: мол, он описывал пасторали, оставшиеся в прошлом. Саймак глубже, выше и сложнее пасторальной фантастики, но чтобы это увидеть, нужно читать его тексты незамутненным взором — и с учетом контекста, то есть эпохи, когда они создавались: вдруг в них найдутся ответы на наши вопросы?

Любопытно, что и при жизни Саймака упрощали, причем как-то изувержски. Писатель Грегори Бенфорд в интервью коллеге Сэмюэлю Дилейни говорил, что у многих фантастов есть только одна идея — вот как у Саймака. Критик Дэвид Прингл не поленился составить список «вечных» саймаковских тем: (1) старик; (2) дом; (3) герой, слушающий звезды; (4) сосед; (5) инопланетянин; (6) пастораль; (7) звери; (8) зло городов; (9) слуги; (10) фронтир; (11) обмен товарами; (12) артефакт...

Забавно: здесь нет ни роботов, ни путешествий во времени. Но даже если их добавить — странно думать, что Саймак сводится к ограниченному числу тем. Стремление упростить, понизить писателя до формулы, приравнять его к машине, сочиняющей истории комбинаторно, — как правило, противоположно желанию понять. Можно было бы привести в противовес список ценителей таланта Саймака — начиная с Айзека Азимова, Альфреда Бестера, Теодора

Старджона, Кингсли Эмиса и Гордона Р. Диксона, считавшего, между прочим, что Саймак есть золотая середина между Старой Доброй Фантастикой и Новой Волной, — но, конечно, дело не в хулителях и не в почитателях.

В предисловиях к трем томам малого собрания сочинений Саймака я постараюсь представить его в новом свете, и если у читателя появится желание перечесть хорошо знакомые — а может, и незнакомые вовсе — книги, моя задача будет выполнена. Мне кажется, Саймак достоин этого как мало кто из фантастов. Иногда забытые писатели возвращаются — и вдруг оказывается, что они никуда и не уходили; это мы по какой-то причине отклонились от (вспомним название последнего романа Саймака) Магистралей Вечности.

2

Клиффорд Дональд Саймак родился 3 августа 1904 года в городке Милвилл, округ Грант, штат Висконсин. Вообще-то это даже не городок, а поселок: в 2000 году его население составляло 147 человек, один житель на 2,7 кв. км площади. Сто лет назад милвиллцев было побольше, но все равно это была сельская коммуна из тех, в которых отношения между людьми — особенные: здесь уравновешены индивиды, семьи и общее товарищество, не переходящее в откровенный коллективизм.

По всем США подобных Милвиллов — два десятка, и когда Саймак использовал это название в текстах, оно становилось синонимом типичного американского захолустья. В Милвилле происходит действие романа «Вся плоть — трава», и атмосфера крошечного городка где-то на Среднем Западе — прекрасный фон, если не суть истории об одном из самых странных вторжений фантастики. Не секрет, что описываемый и реальный Висконсин не совпадают: по признанию Саймака, в его книгах родные места — это «полная и абсолютная фантазия». Что и понятно — все писатели так или иначе описывают мир своей мечты. Особенно фантасты.

Клиффорд появился на свет на ферме деда со стороны матери; дом этот, через полвека сгоревший, стоял на вершине холма, с которого отлично видно живописное место, где река Висконсин впадает в Миссисипи. Мать Клиффорда, Маргарет, «была старой закалки и хранила в себе здоровый пионерский дух». Ее отец Эдвард Уайзмен был ветераном Гражданской войны, кавалеристом, воевавшим на стороне северян против рабовладельческого Юга под началом генералов Уильяма Текумсе Шермана и Улисса Симпсона Гранта. «Тот, кто говорил о них недоброе слово в присутствии бабушки или моей матери, — вспоминал Саймак, — рисковал жизнью».

Вспоминается «Пересадочная станция» и ее главный герой: «Его зовут Инек Уоллис... По документам ему уже давно перевалило за сто.

Он родился на ферме близ небольшого городка Милвилл в штате Висконсин 22 апреля 1840 года... Когда Эйб Линкольн стал собирать добровольцев, Инек Уоллис вступил в армию одним из первых и воевал в Железной Бригаде, которую уничтожили практически целиком у Геттисберга в 1863 году. Но Уоллис был переведен в другое подразделение, с которым сражался в Виргинии под предводительством Гранта до самого конца, до Аппоматтокса...» И неслучайно Уоллис называет одного из инопланетных гостей станции Улиссом, добавляя: «Это имя великого человека моей расы», понятно, что речь вовсе не о хитроумном Одиссее.

Так и получилось, что Саймак с детства отождествлял себя с борьбой против рабства. Если плантаторы Юга поневоле делили мир на белых и черных, господ и рабов, высших и низших, жители Севера, наоборот, были противниками элитарности и ее оборотной стороны — неравенства. Отсюда, из сельских коммун Новой Англии и Среднего Запада, берут начало фундаментальные для Саймака идеи: всеобщее — земное и даже космическое — братство, возможность договориться, борьба за права иных в условиях, когда кто-то полагает этих иных враждебными и/или низшими существами. В той или иной вариации эти темы можно найти почти во всех его романах.

Справедливости ради стоит сказать, что Уайзмен какое-то время колебался, на чьей стороне воевать: у него были друзья и на Севере, в Висконсине, и на Юге, в Новом Орлеане. Решение было принято в пользу Севера — надо думать, все-таки по моральным соображениям. После войны Уайзмен на правах ветерана купил участок прерии по льготной цене и ферму на висконсинских холмах — и зажил простой и честной крестьянской жизнью. На ферме родилась и выросла его дочь. Будущий отец Клиффорда устроился на ферму батраком, влюбился в Маргарет, через год они поженились — и построили дом на участке, который Уайзмен прикупил неподалеку.

3

Наверняка многие знают, что свою фамилию в привычном для русского уха звучании Саймак обрел исключительно благодаря переводчикам — может статься, с легкой руки Наталии Рахмановой, в переводе которой в 1957 году вышел его первый рассказ на русском, «Однажды на Меркурии». По правилам он вроде и должен быть Саймак, но к фамилиям правила часто неприменимы: на самом деле он — Симак с ударением на «и».

Отца Клиффорда звали Джон Льюис Симак — но уже в Америке; его настоящее имя история не сохранила. Ян Шима? Или, чем черт не шутит, Йоганн?.. Он родился в Чехии, точнее, в космополитической австро-венгерской Богемии, в семье мясника. Но не простого:

дядя отца (старший брат чешского дедушки Клиффорда) был обедневшим аристократом: «Он умер, не оставив потомства, и если бы события шли своим чередом, титул перешел бы к дедушке, от него к отцу, который после смерти брата стал старшим ребенком в семье, а от него ко мне, его старшему сыну... Некогда наш род славился, потом обнищал. У нашей семьи есть, или был, замок, но никто из нас в жизни не интересовался ни титулом, ни замком». Джон Льюис смутно припоминал и запряженную четверкой лошадей карету, в которой его, ребенка, везли в замок на холме. В США семейство перебралось после трагической истории: старший брат Джона-Яна, Йозеф, служивший в австрийской армии, поссорился со старшим офицером, заколол того саблей и пустил себе пулю в лоб. (Другую саблю, принадлежавшую деду — ветерану Гражданской, Саймак со временем повесил над камином в комнате, где работал.)

Легко вообразить, какие сцены разыгрывались в воображении юного Клиффа, когда он слушал рассказы о предках отца — аристократах, офицерах и дуэлянтах, для которых честь дороже жизни. И когда в книге «Снова и снова» появляется любитель дуэлей («Он убил уже шестнадцать человек. Дал обет двадцать пять убить, тогда успокоится»), это образ, скорее всего, из истории рода Симаков. Героизм Гражданской войны и европейское дворянское прошлое окружали Клиффорда с детства. Вдобавок мать по вечерам читала книги и журналы мужу и двум сыновьям (второй, Карсон, был на шесть лет младше Клиффорда). Немудрено, что мальчик вырос писателем.

Однако звон шпага раздавался исключительно в семейных преданиях. Детство и юность Саймака прошли безбурно — на других континентах шла мировая война, а в юго-западном Висконсине все жили почти так же, как сто лет назад, в эпоху пионеров: бедно, иногда очень бедно, но счастливо. Клиффорд и соседские мальчишки охотились и рыбачили, натаскивали собак на белок и енотов (не оттуда ли у писателя любовь к собакам, обессмерченным в «Городе?»), катались с холмов на тобогганах. В старшую школу Саймак четыре года ездил на лошади, в младшую-среднюю — ходил полторы мили пешком; как он вспоминал, «это была одна из школ, в которых один учитель преподает все предметы с первого класса по восьмой».

Школьные предметы давались ему легко, к спорту Клиффорд был равнодушен. А главное, сызмальства у него была цель в жизни: стать журналистом: «Мне было четыре или пять лет. Мама читала газету. Я спросил, печатает ли газета все новости со всего света, и она сказала, да, печатает. Я спросил ее, печатает ли газета правду, и она тоже ответила утвердительно. (И не вздумайте, черт вас подери, ухмыляться.) С того дня я знал, что хочу стать газетчиком... Я заиклен на правде. Я гнался за правдой — в той или иной форме — всю мою жизнь. Не за голым фактом — именно за правдой со всеми полутона-

ми. И у меня впечатление, что если кому-то случается найти правду, она оказывается удивительно простой и понятной».

Будет ли преувеличением сказать, что фантастика Саймака — тоже попытка дойти до правды? Не в форме реализма, не в форме газетной статьи, отражающей голые факты, а в форме высшей истины, некоего Принципа, который, если верить роману «Выбор богов» (Саймак считал его чуть ли не лучшей своей книгой), управляет космосом. В форме простых истин: душа — состояние ума; вселенная едина; то, что делает ее единой, — моральный закон, без которого нет души...

4

Мечта мечтой, а стать журналистом в 1920-е в глухомани было непросто. Окончив школу, Клиффорд пошел работать: батрачил на ферме, водил автоцистерну, торговал газировкой и скобяными изделиями, клал асфальт, строил мосты, изготавливал шпалы. Пройдя двухгодичные курсы, он три года работал учителем в школе, поднакопил денег и поступил в Висконсинский университет; «деньги быстро кончились, и я устроился в газету, надеясь вернуться в университет, но так и не вернулся».

Учительствовал Саймак в Кэсвилле, еще одном висконсинском городке. В здешнем кинотеатре он встретил Агнес Кухенберг, которую все называли «Кэй», — девушку, ставшую любовью всей его жизни. Они поженились 13 апреля 1929 года, когда Саймак получил первую журналистскую работу в газете Айрон-Ривера, штат Мичиган. В 1939 году Саймак напишет, что жена — его «критик и машинистка», но на деле фантастикой Кэй не интересовалась и не читала текстов мужа, не считая самых первых его работ.

В первую половину 30-х судьба гоняла Клиффорда по всем штатам Среднего Запада: он успел поработать репортером и редактором в местных газетах в Мичигане, Айове, Северной Дакоте, Миннесоте, Канзасе, Миссури... Городки были крошечные, Саймак работал в каждом по году-два и наверняка видел всё, что можно было увидеть в те годы в стране, страдающей от Великой депрессии. Только в 1939 году он получил место в газете «Minneapolis Star». Сначала был штатным редактором, в 1949-м дорос до отдела новостей, впоследствии сделался «редактором по особым темам». Но это было уже в 1960-е, когда имя Клиффорда Саймака знали все любители фантастики США, и не только.

«Впервые я познакомился с научной фантастикой, конечно, благодаря Жюль Верну и Уэлсу, — вспоминал он, — читал Эдгара Аллана По и книжки о Тарзане... Я всегда хотел сочинять. У меня был писательский зуд. Сочинительство сидело внутри, желая вырваться наружу. Думаю, то, что я стал сочинять фантастику, естественно».

Дебютный рассказ «Кубы Ганимеда» Саймак послал в 1930 году в журнал «Amazing Stories», который начинал издавать знаменитый Хьюго Гернсбек (он уже не владел журналом, проиграв иск о банкротстве). Рассказ сначала вроде приняли, а через два года вернули, и впоследствии Саймак был этому рад: «Поверьте на слово, рассказ был кошмарный... Три или четыре искателя приключений отправились на Ганимед и встретили там инопланетную форму жизни в виде кубов, но что было потом — я напрочь забыл. Меньше чем за десять тысяч долларов я бы не разрешил издать этот рассказ никому».

Первый опубликованный НФ-рассказ Саймака «Мир красного солнца», напечатанный в «Wonder Stories» (еще один журнал Гернсбека) в декабре 1931 года, был не лучше:

— Тогда прощай, год тысяча девятьсот тридцать пятый! — воскликнул великан-швед и с силой дернул рычаг. Самолет содрогнулся и недвижно завис во мгле. В мгновение ока абсолютная чернота, точно краска с дьявольской палитры, смыла солнечный свет...

По оценке самого фантаста, это «атмосферная история, но, кроме атмосферы, там почти ничего не было». Зато на совсем юного фэна Айзека Азимова рассказ о людях, которые в далеком будущем бросили вызов злему инопланетному правителю, произвел неизгладимое впечатление. Может, потому, что Саймак вместо хеппи-энда придумал обескураживающий конец: спасители человечества хотят вернуться в свое прошлое, а оказываются в еще более далеком будущем, где люди вымерли, — и судьба героев незавидна.

Хьюго Гернсбек, в очередной раз столкнувшийся с финансовыми трудностями, за «Мир красного солнца», кажется, так и не заплатил. Саймак точно ничего не получил за следующие рассказы для «Amazing Stories» — с характерными для эпохи названиями «Золотой астероид», «Голос в пустоте» и «Мятеж на Меркурии»: позднее фантасты скинулись на адвоката и высудили жалкую часть гонораров. Единственным оплаченным текстом первой половины 1930-х стал рассказ «Нечисть из космоса», проданный в «Astounding».

Очень быстро Саймак понял, что в фантастике ему делать нечего: «Ради чего я должен был сочинять? Я пытался. Продал рассказы. Увидел тексты на бумаге. Заработал немного денег. А потом всё ушло... Я по-прежнему хотел сочинять, но смысла в том не было».

Вопрос был не только в заработке: Саймаку категорически не нравилась формула, господствовавшая тогда в американской НФ, — ходульная супергероика либо ради приключений, либо (в лучшем случае) ради иллюстрации научных принципов. Он хотел иного. Его интересовали, с одной стороны, обычные люди, дружелюбные инопланетяне, человеческие роботы, а с другой — тема божественного, те самые поиски высшей истины. В 1932 или 1933 году он написал в стол повесть «Создатель» о боге, который создал вселенную и теперь ищет способ ее уничтожить,

и о разумных созданиях, восстающих против эдакого господина. То был первый подступ к теме, которая через три десятка лет станет для писателя ключевой. Увы, блин вышел комом, да и продать «Создателя» сразу не удалось, так что Саймак прекратил писать НФ.

5

Всё изменилось в 1938 году, когда главным редактором НФ-журнала «Astounding» стал Джон Кэмпбелл. Прошел слух, что он хочет публиковать «нечто новое». Окрыленный Саймак сочинил рассказ «Правило 18», необычный со всех сторон, начиная с сюжета: это история не про супергероев, а про... футбол. Правда, футбол будущего, с матчами Земля — Марс и еще с путешествиями во времени, но все-таки. Более того, «Правило 18» начинается как комедия, но быстро превращается в трагедию с неожиданным финалом. Кэмпбелл рассказ принял. Юному фэну Азимову этот текст не понравился, и он написал в журнал письмо, полное нелестных эпитетов. Саймак ответил личным письмом: что не так? нельзя ли подробнее?... Азимов перечитал рассказ и, к ужасу своему, обнаружил, что с рассказом всё в порядке, просто он его не очень-то понял. Айзек извинился перед Клиффордом, и они подружались.

После «Правила 18» Саймак писал рассказы не переставая. Редактор «Astounding» стал для него поистине крестным отцом: «Если я что-то и привнес в НФ, благодарить за это следует в основном Кэмпбелла». Из-под пера Саймака выходили истории про обычных людей, пусть и в необычном антураже. Его героями были фермеры из Айовы, обживающие Венеру; ветераны войны, встречающиеся на Ганиমেде; бухгалтеры, путешествующие по Солнечной системе; инопланетяне, страдающие от людской жадности; роботы, человечность которых была очевидна...

Замахивался Саймак и на романы, но первые попытки удачными не были, обе — из-за Кэмпбелла. Сначала тот попросил автора написать космооперу без супергероев; получились «Космические инженеры», хилый закос под Олафа Степлдона и Альфреда Ван Вогта. Затем Кэмпбелл прислал фантасту свой ранний рассказ с просьбой переделать его в роман. Саймак не смог отказать — и появилась «Империя», не нравившаяся ни Саймаку, ни Кэмпбеллу (настолько, что он отказался ее печатать).

Роман, который хотел написать сам Саймак, проявлялся между тем постепенно. Около 1943 года фантаст сочинил рассказ «Дезертирство» про человека и его разумного пса, которые высадились на Юпитере не в своих телах (не отсюда ли растут ноги фильма «Аватар»?) — и чуть было там не остались. Параллельно он размышлял о цикле рассказов «Город» — истории будущего, в котором люди, движимые ненавистью и страхом, терпели бы крах, уступая Землю

зверям и роботам. «Дезертирство» отлично вписалось в этот цикл, Саймак придумал рассказ-продолжение, «Рай», дописал еще шесть рассказов и объединил их вставками — они превращают рассказы в «предания, которые рассказывают Псы, когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер...».

Саймак «писал эти истории кончиками нервов». Для него «Город» стал протестом против полыхавшей в мире войны, «надеждой и молитвой», «воображаемым исполнением желаний»: «Я создавал мир, каким ему следовало быть. Он был наполнен мягкостью, добротой, доблестью, которых ему не хватало. В нем была грусть — я грустил о старом мире, который мы потеряли, о мире, которого уже не будет, который был уничтожен, когда человек с зонтом вернулся в Лондон и заявил, что впереди — тысяча лет без войны (*речь о британском премьер-министре Невилле Чемберлене. — Н.К.*). В созданном мною мире я хотел бы жить сам. Я сделал псов и роботов подобием людей, с которыми хотел бы жить рядом. Они должны были быть псами и роботами, потому что люди — другие. Моя последняя проповедь, последний протест, последняя молитва — финальная сцена, в которой робот Дженкинс запрещает убийства...»

«Лучше потерять этот мир, чем снова убивать» — эта мысль Дженкинса и правда звучит как проповедь абсолютного ненасилия. К слову, последний рассказ из цикла, «Простой способ», редактор Кэмпбелл не принял — ему не нравилась идея проигрыша человечества. Саймак отправил рассказ в другой журнал, а через несколько лет, когда в США стали выходить первые фантастические книги, собрал все рассказы воедино и издал их как роман (четверть века спустя он допишет чуть более оптимистический «Эпилог»).

«Город» — один из немногих романов Саймака, переиздающийся, читаемый и почитаемый до сих пор, — завершил его трансформацию из средней руки фантаста в человека, которого однажды назовут гранд-мастером НФ. Перед Саймаком открылся путь к классическим рассказам 1950-х (многие из них вошли в этот том) и романам вроде «Снова и снова», «Кольцо вокруг Солнца», «Что может быть проще времени?». Потом Саймак скажет, что местами «Город» надо переписать, — но он часто скромничал. Так, в начале 1960-х он убеждал интервьюера, что не написал и десятка приличных рассказов: «Мои хорошие рассказы — «Детский сад», «Кимон», «Необъятный двор», «Прелесть», «Сосед» и «Воспителлы».

Надеюсь, читатели этой книги убедятся, что Саймак был не прав: хороших и просто отличных рассказов у него куда больше. И дело не в дюжине «вечных тем». Хороший писатель, как бы ни повторялись его темы, всегда пишет о чем-то большем.

Николай Караев

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ФАНТАСТИКИ
КОЛЛЕКЦИЯ
АСТИКИ
ЛЕКЦИЯ
ТИКИ
ЦИЯ
КИ
ИЯ
И
Я
!

ГОРОД

*Памяти Вихря
(он же Нэтэниел)*

Предисловие автора

«Город» был написан в результате крушения иллюзий. Возможно, людей, подобно мне утративших иллюзии, не так уж много, но они должны быть. Человечество прошло через войну, не только унесшую миллионы жизней и исковеркавшую миллионы других жизней, но и породившую новое оружие, способное уничтожить уже не армии, а целые народы.

Мало кто из нас ныне задумывается об угрозе ядерного оружия. Мы жили с ней так долго, что она стала одним из факторов нашего существования. Мы свыклись с ней и если подчас вспоминаем об этой угрозе, то лишь как об инструменте международной политики, а не как о реальной опасности. Даже в те дни, когда первые ядерные взрывы расцвели над Японией, основная масса людей не увидела в них ничего, кроме более мощных бомб. Но некоторые, в том числе писатели-фантасты, сразу поняли значение свершившегося. Я убежден, что эти писатели и их произведения, предрекающие миру гибель, служат орудием предостережения для общества — предостережения о том, чем чревато ядерное вооружение.

Меня лично потрясла не столько разрушительная сила нового оружия, сколько очевидный факт, что человек в своей безумной жажде власти не остановится ни перед чем. Похоже, нет предела жестокости, которую люди готовы обрушить на головы своих ближних. Какой бы страшной ни была Вторая мировая война, у меня все же теплилась робкая надежда, что люди сумеют как-то договориться друг с другом и сделать мирную жизнь возможной. Но теперь, осознав безмерность человеческой жестокости, я потерял и эту небольшую надежду.

Сейчас я уже не в силах восстановить в памяти строгую хронологическую последовательность написания рассказов, вошедших в сборник. Какие-то из них были созданы до начала атомной эры, другие — на ее заре. Впрочем, хронология не имеет особого значения. Крушение иллюзий было вызвано войной; Хиросима и Нагасаки лишь довершили и углубили его.

«Город» не был задуман как протест (что толку от протестов?), это был поиск фантастического мира, способного противостоять